

*Иди вперёд своей дорогой
Без суеты и не спеши.*

Для отдельных персонажей истории эпоха проходит неуследимо. Только то, что написано пером фиксирует время на листе бумаги. Делает пережитое ощутимым.

Уже в этом смысле интересен трёхтомник сочинений поэта и финансиста Дмитрия Мизгулина, где на каждой странице каждой книги сквозным пунктиром обозначены прошедшие годы. 1979... 1995... 2019... Будто стежки, сшивающие воедино пространство и время, придающие целостность фрагментам личной жизни.

Каждую из книг трёхтомного собрания сочинений Дмитрия Мизгулина предваряет портрет автора. Сочинения разделены на три временных периода и каждый фотопортрет представляет трёх разновременных поэтов – на одном молодой человек при лейтенантских погонах, на другом крепкий мужчина в куртке с распахнутым воротом, на третьем джентльмен в хорошем костюме и с благородной сединой.

Очевидно, что любая попытка целостного анализа творчества Дмитрия Мизгулина столкнётся с визуальным противоречием – творчество одно, но репрезентативные образы разные.

Вот первая книга фотографически молодого поэта. Вот стихи, где он мечтает о простом человеческом счастье.

Ни на кого не обижаясь,
Не презирая никого,
Я постепенно приближаюсь
К порогу счастья своего.

Простые строки о дружбе, о вере людям и о способности прощать обманувших доверие, неожиданно заканчиваются словами горькими как дым.

И чайки кружатся в тумане,
Который тает, словно дым,
И я не верю, что обманут
Воображением своим...

При этом, несмотря на противоречивость присутствующих в одном тексте двух полярностей – счастья и обмана – стихотворение в целом кажется лёгким и напевным. Во многом это верно для всех стихотворений первого тома. И это же остаётся верным признаком избранных стихотворений в целом.

Внутренняя наполненность – прозрачным воздухом и светлой музыкой – не только придаёт стихотворениям Дмитрия Мизгулина узнаваемое выражение за рамками любых репрезентаций, но и объединяет разновременные тексты: как человеческая судьба соединяет в одну личность разные фотопортреты.

В поэзии Дмитрия Мизгулина перманентно присутствует воздушная лёгкость и отстранённость от суеты мира. Бурные увлечения молодости и страсти зрелого возраста оставляют в стихотворных строчках только слабый след. Стихотворения в целом оставляют ощущение постоянно присущей автору внешней холодности и внутренней собранности.

Лирический герой Дмитрия Мизгулина порой предстаёт персонажем романа Достоевского, сосредоточенно идущим по Петербургу белых ночей – приметы времени неуловимы, а то, что фиксирует взгляд прохожего в белом тумане, в белых сумерках то же что и всегда.

Этот город, как мы, в бестолковой своей суете,
В маете, толчее, в несуразных и глупых стремленьях,
В каждом вздохе отчаянном, в каждой случайной черте
Повторяет собою последние два поколения.

И если парящий над улицами угрюмого города «бронзовый ангел с тяжёлым крестом» имеет вполне конкретную прописку, то дальше из питерского тумана «чахоточных,

тусклых ночей» встаёт уже не город Петра, но общая для всех Россия, где из века в век плывёт над землёй «белёсое море» пропахшее «потом и дымом».

О многом – о Родине, любви и мечтах Дмитрий говорит, как бы иносказательно. И только подспудно, скорее через внутреннюю напряжённость слов а не через эффектные обороты, можно почувствовать силу чувств, которые поэт вложил в рифмованные строчки.

В работе со словом и тщательном взвешивании переживаемого первое приближение к ответу на вопрос о сущности поэзии. Что, собственно, делает поэта поэтом – врождённый дар или упорный труд?

В своих сорочках Дмитрий Мизгулин отвечает на этот вопрос так:

Не все мечты сбываются...
Не все дороги сходятся...
Поэтами рождаются,
Но не всегда становятся.

И с этим трудно спорить, тем более что здесь речь уже не столько о необходимости творческого труда, но и о судьбе поэта – и о тех дорогах, которые в России редко бывают прямыми и гладкими.

И попробуй быть скупым и кратким
В час труда, забвенья и гульбы,
В миг, когда вот-вот поймёшь загадки
Русской удивительной судьбы.

Это о Фёдоре Михайловиче Достоевском – и о русском писателе вообще. О Петербурге белых ночей и чернозёмных русских путях-дорогах, на которых вечно то пыль, то туман.

И взгляд поэта, воплощённый в его голосе не только позволяет заметить поручика Достоевского на знакомых городских улицах, но и увидеть в повседневных реалиях знаки важного и нужного. И незаметно меняются роли жизни повседневной и вдохновенной ночной.

...И на пустынном вокзале
Тихий уснул тепловоз –
В масле горячем и пыли,
Тёплый, как хлеб из печи.

Эти незамысловатые, лишённые продуманной эффектности, строчки хорошо помогают понять как из материала повседневности рождается насыщенный хлеб поэта. Ночь, время для поэтического творчества соединяется с днём, временем железных машин и неотложных дел. И благодаря поэзии обычное переходит в разряд вечного.

Думается что прежде всего в этом видел смысл и значение занятий стихотворчеством молодой поэт Дмитрий Мизгулин.

В душе твоей
Не канет день бесследно,
Пусть даже если
Был он прожит зря.

А что погоны на плечах? Есть ли в творчестве Дмитрия Мизгулина строки о защитниках советской Родины? Стихи о Родине конечно есть – хотя она не обязательно соотносится с государственным строем, а герой пролетарской революции, «демон полночный, с наганом», измеряется нравственным аршином Достоевского и Бунина, Ивана Алексеича.

Как будто поэт не спешит любовь к отчему краю переводить в ненависть к оппортунистам и иноземцам. Но воин не обязательно тот, кто сражается с оружием в руках. Первые русские святые, князья и воины по рождению, Борис и Глеб:

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.

Человеческая судьба порой страшнее вражеских полчищ. В полном соответствии с русским мыслителем Николаем Бердяевым человек обретает свободу в борьбе с бессмыслицей, преодолевая «массивность истории», навязанные временем обстоятельства, навязчивую прозу жизни. Зарифмовать быт и превратить его в бытие непросто. Но писать необходимо. Ещё больше, чем плыть по морю. И оружие поэта – только слово.

А всё-таки спешу, спешу,
Пусть даже ошибаясь снова,
Всю боль мятущейся души
Вложить в трепещущее слово!

Так через негромкие «трепещущие» слова уже в первом зафиксированном на бумаге периоде жизни поэт определяется с тем, ради чего и вопреки чему пишут стихи. И уверенно заявляет, что на этой земле и в этой стране поднимая лицо к небу и останавливаясь в тишине можно увидеть не только туман и «белёное море».

И если время есть остановиться –
Остановись – и ты увидишь сам,
Как над землёй прозрачный свет струится,
Возносится к высоким небесам.

Туман над русскими дорогами, конечно, никуда не девается. И дым над родной землёй и после перестройки страны на новый лад не развеивается, а становится гуще и гор-

ше. По всей второй книге Дмитрия Мизгулина гуляет «непогодь» – не зря заглавного мужчину в куртке кропит дождь. Новые времена пришедшие на смену самоустранившемуся нерушимому Союзу навывлет просквозило неуютом.

Живя в эпоху перемен,
Бывай почаще на природе
И одевайся по погоде,
Пусть даже если ты спортсмен.

Стихотворения, вошедшие во второй том Дмитрия Мизгулина, кажутся однотонными и даже монотонными как дождь. Реалии повседневности заслоняют сияющие перспективы, и куда не помотришь – много грустного в России. Да и в России ли уже.

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Столица кажется продажной, окраины беспросветными. От обветшавших дворцов и сузившихся улиц Санкт-Петербурга до Ханты-Мансийска, где «голубоглазые таджики» из временных материалов «строят счастье на века» круглый год одно и то же – «непогодь».

Спасание от проникающей в душу непогоды автор находит во встречах с друзьями, в природе и в Господе.

Безнадёжно устав от прогресса,
От вселенских дорог вдалеке,
Золочёным сентябрьским лесом
Выйду к утренней тихой реке.

И конечно в творчестве. Ибо поэзия внутренне необходима «мятущейся» душе. А душа единственное что держит вертикально шаткую конструкцию человека подобно туго натянутой внутри струне.

И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой –
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

Промозглые ветра эпохи оставляют человеку немного места, но поэзия заново переиздаёт мир и тогда стихи это не просто убежище от жизни, но жизнь, выстроенная как надо по гармоническим божьим лекалам.

Услышана будет молитва,
Господь не отмеривал срок,
Ещё не окончена битва
И непредсказуем итог.

Итоги подводить рано – и третий том, хотя последний в этом издании, оставляет дверку в небо открытой. Вероятно, это ощущение свободы и есть то главное, ради чего пишут стихи и готовят к изданию книги. Поэтические строки на практике точнее экономических теорий. Пророчества в нашей стране сбываются плохо, и Перестройка, сулившая новый этап счастливой жизни, лишь отчётливее сделала руины.

И человеку, который во время оно верил в возможность обещанных перемен к лучшему трудно отделаться от мысли что перемены случились какие-то не такие. Неправильные.

Хватало и зрелищ, и хлеба,
И счастье – полной рекой.
Всё было прекрасно – до неба
Уже доставали рукой.

Почему не случилось, не сбылось обещанное – вопрос сложный. Но поэт обязан на него ответить. Даже там, где с акцентом говорят дикторы, о счастии вещают «лукавые колдуны», а «жестоковыйные рабы» молчат по русскому обычаю.

Мы жили, не зная молитвы,
Без Бога построили храм,
И всё уступили без битвы,
Доверившись лживым волхвам.

И становится очевидным, что проверенная временем привычка строить рай земной на месте порушенных храмов не могла и не может кончиться ничем хорошим.

...Во всём – унынье, боль и нищета.
Сюда уже не ходят звери в гости.
И покосилась церковь – без креста,
И без крестов – могилы на погосте...

Зачем, куда бредём из века в век,
То дураков кляня, то бездорожье?..

Поэт знает, что «тленно всё, что создал человек» забыв о Боге и о том, что «он творенье Божье». И уже нельзя переложить всю ответственность на дураков и дороги. Слишком далеко всё зашло, пока умники дурачились на перекрёстках эпохи, выбирая новые пути. И кто знает, не случится ли что ещё такое, что даже леденящие шутки Дедушки Мороза покажутся лаской:

Когда пойдёт гвоздить эпоха
Живых и мёртвых не щадя,
На что нам – шутки скомороха
Или пророчества вождя?

Поэзия может спасти, но она не делается по госзаказу, а обретается как дар. При наличии определённых исходных условий. Как минимум при наличии живой и маетной души.

Стихи как будто свыше дарятся
И растворяются в крови,
Когда душа и сердце маются
Немым предчувствием любви.

В начале поэтического пути почувствовав себя воином трудно потом идти по жизни прогулочным шагом – так среди русских полей не прожить.

Сокрушает жизни битва,
Но спасает вновь и вновь
Нерадивая молитва,
Бестолковая любовь.

В мире муторно и тесно.
В облаках лечу во сне.
Там где Ангел мой небесный
Молит Бога обо мне.

Снова и снова в стихах Дмитрия Мизгулина совмещаются очевидные и скрытые пласты бытия, и жизнь как война не знает выходных дней. И поэзия, в которой на равных участвуют Ангел Господень и любовь человеческая, становится действительно необходимой как воздух и превращается в тот боезапас, который позволяет продолжать невидимую брань. Не испытывая внутренней необходимости стихи писать трудно.

Перелистывая страницы третьего тома из собрания сочинений Дмитрия Мизгулина трудно не задаться вопросом: почему человек в хорошем костюме всё-таки продолжает тратить время на литературу и уехав мечтает не в Лондон, но в российскую глубинку? Как будто и само-

го автора порой смущает несоответствие созданного образа и неизбывный поэтический дар, необходимость прятать «под маскою» добровольного скомороха «порывы скорбные души».

Очевидно, что поэзия – не то, что позволяет приятно провести время. И всей своей жизнью Дмитрий Мизгулин отвечает на заданный когда-то в юности вопрос – что, собственно, делает поэта поэтом. И оказывается главное здесь – «идти вперёд своей дорогой».

Главным остаётся верность поэтическому творчеству. Важной становится поэзия, в которой основными ориентирами остаются всё те же идеалы, выбранные однажды – дружба, красота родной земли, устремление к Господу.

Не условные даты, бумаги и «ксивы» придают жизни ценность и целостность. Но «бестолковая любовь», негромкая верность Родине, неотступная необходимость поэзии. Всё это присутствует и в ранних, и в поздних стихотворениях Дмитрия Мизгулина и неважными становятся временные рамки и «догорают времена и даты».

Стихотворения Дмитрия Мизгулина создают свою собственную реальность, своё уверенное время. Точно так же, как в английском языке «простое настоящее время» выражает действие, которое происходит постоянно, «простое время тишины» в поэзии Дмитрия Мизгулина утверждает состояние всегда необходимо-присущее душе, «единственной заботе» человека. И свет в тишине светит.